

ХАРУКИ
МУРАКАМИ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

МОСКВА

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44
М91

HARUKI MURAKAMI
ICHININSHO TANSU (First Person Singular)

Copyright © 2020 Harukimurakami Archival Labyrinth
Originally published by Bungeishunju Ltd., Tokyo

Художественное оформление серии «Мураками-мания»
Натальи Ярусовой

Перевод с японского *Андрея Замилова*

Мураками, Харуки.

М91 От первого лица / Харуки Мураками ; [перевод с японского А. Замилова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-243076-3

Харуки Мураками — японский писатель, ставший классиком при жизни. Во время бейсбольного матча в 1978 году Мураками внезапно осознал, что мог бы написать книгу. Первые тексты он создавал по ночам в своем джаз-баре. Этот сборник рассказов — квинтэссенция творчества автора.

Автобиографическая ли это книга? И да и нет. Мураками расскажет вам восемь историй, а вы уже сами решите, верите ли вы ему. На страницах книги вас будет поджидать девушка, пишущая танка и выкрикивающая чужое имя в момент наивысшего наслаждения. Старик, который поведает о креме кремов — сути жизни. На полках магазина найдется несуществующая пластинка Птицы. Рассказчик познакомится с самой уродливой женщиной и будет вместе с ней слушать все записи «Карнавала» Шумана. По школьному коридору пройдет красивая девочка с пластинкой «With the Beatles» и навсегда растворится в небытии. А говорящая обезьяна из Синагавы за кружечкой пива признается, что воровала имена у женщин.

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-243076-3

© Замилов А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

К КАМЕННОЙ ПОДУШКЕ

Хотел бы рассказать вам об одной женщине, но при этом *совсем* ничего о ней не знаю: ни как ее зовут, ни как она выглядит. Хоть убейте, не вспомню. Наверняка она — тоже.

Мне, второкурснику, тогда еще не исполнилось и двадцати. Она выглядела лет на двадцать пять. Мы подрабатывали какое-то время в одном ресторане, случайно провели вместе одну-единственную ночь и с тех пор не виделись.

В свои девятнадцать я толком не разбирался в собственных чувствах и, само собой, понятия не имел, что́ может твориться на сердце у других. Но тем не менее считал, будто догадываюсь, отчего мы радуемся или грустим. Вот только клубок таких чувств пока распутать не мог, а это часто не да-

вало мне покоя и лишний раз напоминало о моей собственной беспомощности...

Но я все равно хочу о ней рассказать.

Я знал, что она серьезно увлекается поэзией танка и даже выпустила сборник стихов. Звучит солидно — «сборник», да только его страницы в простенькой обложке сшиты были чуть ли не бечевкой от воздушного змея. Даже не самиздат — самоделка. Но отдельные строки запали мне в душу. Стихи почти все — о любви между мужчиной и женщиной, а еще о смерти. Как бы в знак того, что любовь и смерть неразделимы.

Неужели мы
С тобою так далеки,
Что до тебя мне
Добираться транзитом
Только через Юпитер?

Приложив ухо
К каменной подушке, я
Хорошо слышу
Тишину — так совсем не
Шумит бегущая кровь

— Знаешь, кончая, я могу кричать имя другого человека. Ты не против? — спросила она. Мы голышом лежали под одеялом.

— Наверное, нет, — ответил я, хоть и не был уверен. Зачем мне возражать по такому пустяку, это же просто имя. Что с того?

— Может, я буду орать во всю глотку.

— А вот этого не стоит, — поспешно ответил я. Стены в деревянном доме, где я снимал квартиру, были тонкими и хрупкими — чем-то похожи на вафли, которые я любил в детстве. Час стоял поздний, закричи она громко — услышат все мои соседи.

— Ладно, тогда я зажму в зубах полотенце, — сказала она.

Я принес из закутка умывальника полотенце поновей и попримачней и положил рядом с подушкой.

— Такое годится?

Точно лошадь, примеряющая новое грызло, она попробовала несколько раз прикусить полотенце. И кивнула: сойдет.

Я особо ее не хотел да и ей вряд ли был нужен. Так, случайная связь. Пару недель мы проработали в одном заведении, но поболтать с ней толком никак не удавалось — разве что мимоходом. Той зимой я мыл посуду и помогал на кухне в итальянском

ресторане на Ёцуя, недалеко от университета. А она была официанткой. Почти все, кто там подрабатывал, были студентами, а она нет. Возможно, поэтому, как мне казалось, и держалась наособицу.

В середине декабря она увольнялась, и однажды после работы несколько человек из наших отправились в *идзакаю* по соседству¹. Меня тоже позвали. Вряд ли затевалась прощальная вечеринка: примерно час мы просто пили пиво, слегка закусывали и дружески болтали. Тогда я и узнал, что до ресторана ей пришлось поработать в небольшой конторе по найму жилья, потом в книжном магазине. Она призналась, что нигде не сходилась характерами с начальством. В ресторане обошлось без размолвок, но тут слишком мало платят, вот и приходится подыскивать новое место.

— Чем собираешься заняться? — поинтересовался кто-то.

¹ И д з а к а я — тип японского неформального питьевого заведения, в котором посетители выпивают после рабочего дня. Функционально они схожи с ирландскими пабами. — *Здесь и далее прим. переводчика, кроме оговоренных особо.*

— Без разницы, — ответила она, почесывая возле носа. (Там, будто созвездие, ютились две маленькие родинки.) — Все равно вряд ли подвернется что-нибудь приличное.

Я тогда снимал квартиру в районе Асагая, она — в Коганэи¹, поэтому с Ёцуи нам было по пути. В вагоне мы сидели рядышком. Двенадцатый час, ночи уже холодные — порывами дул осенний ветер. Оглянуться не успели, а уже пора носить перчатки и шарфы.

Электричка подъезжала к Асагае. Встав, я собрался выходить, но тут она посмотрела на меня снизу вверх и тихо спросила:

— Можно к тебе?

— Ладно. А что так?

— До Коганэи далеко.

— У меня тесно. И беспорядок, — предупредил я на всякий случай.

— Не имеет значения, — ответила она и вцепилась в рукав моего пальто.

¹ По расстоянию Коганэи примерно вдвое дальше от Ёцуи, чем Асагая.

Вот так и оказалась она в моей тесной неказистой квартире. Сперва мы неспешно пили пиво из банок. Когда пиво закончилось, она, нисколько не стыдясь, шустро разделась прямо у меня на глазах и нырнула в постель. Тогда я тоже разделся и забрался под одеяло. Свет погасил, однако от пламени газовой печки в комнате было светло. Под одеялом мы неуклюже пытались согреть друг дружку. Сперва лежали молча: о чем говорить, вдруг оказавшись голышом, если честно, я понятия не имел. Постепенно одеревенелые тела наши согревались, и мы начали ощущать друг дружку буквально всей кожей. Интимнее не бывает.

Тут-то она и сказала:

— Знаешь, кончая, я могу кричать имя другого человека. Ты не против?

Я принес полотенце.

— Он тебе нравится?

— Да. Очень, — ответила она. — Нравится сильно-сильно, только о нем и думаю. А вот я ему — ничуть. К тому же у него есть подруга.

— Но вы встречаетесь?

— Ага. Только он зовет меня, когда хочет мое тело, — сказала она. — Словно еду заказывает по телефону.

Я не знал, что ответить, и потому молчал. Она водила пальцем по моей спине, будто рисовала. Или же просто упражнялась в скорописи иероглифов.

— Он говорит, что я *дурнушка*, но тело у меня — высший класс.

Мне она *дурнушкой* совсем не показалась, хотя назвать ее красавицей тоже было нельзя. Правда, сейчас это лицо я совсем не вспомню и описать уже не смогу.

— Но, если зовет, идешь?

— Еще бы — он же мне нравится. Что мне остается? — произнесла она так, будто это в порядке вещей. — Что ни говори, а иногда хочется мужской ласки.

Я задумался над ее словами. «Иногда хочется мужской ласки». Что при этом должна чувствовать женщина? В том возрасте мне такое и на ум не приходило (но, если вдуматься, и теперь я это вряд ли понимаю).

— Полюбить человека — знаешь, это вроде как получить душевное расстройство, которое не покрывается медицинской страховкой, — спокойно произнесла она — как по писаному.

В ответ я лишь хмыкнул.

— Ты тоже можешь смело думать не обо мне, а о ком-нибудь другом, — предложила она. — У тебя же есть любимая девчонка?

— Есть, — ответил я.

— Вот и хорошо. Будешь кончать — кричи ее имя сколько влезет. Мне все равно.

У меня в те годы была подруга, с которой по разным причинам мы никак не могли сделаться ближе, но имя ее кричать я все же не стал. Уже собрался было, но счел, что это глупо, и кончил молча. А вот она и впрямь открыла рот, чтобы закричать, поэтому пришлось быстро сунуть ей в рот полотенце. Ну и крепкие же у нее были зубы... Любому стоматологу на радость. Даже не помню, что за имя она тогда попыталась назвать, — какое-то заурядное, таких полно. Но помню, что меня восхитило, как много значит для женщины даже

такое невидное имя. Порой сердце человеческое трепещет от самых обыкновенных имен.

С утра по университетскому расписанию у меня значилась лекция, потом мне предстояло сдать вместо зачета важный реферат, но, разумеется, все пошло насмарку (и аукнулось мне позже, но это уже другая история). Насилу проснувшись около полудня, мы вскипятили чайник, намешали себе растворимого кофе и поджарили на завтрак тосты. В холодильнике оставалось несколько яиц, их мы тоже сварили и съели. На прозрачном небе — ни облачка, ослепительный утренний свет... И жуткая вялость.

Жуя тост с маслом, она поинтересовалась, на каком факультете я учусь. Я ответил, что на филологическом.

— Хочешь стать писателем? — спросила она.

Я честно признался, что не собираюсь. В те годы я об этом даже не помышлял (хотя у меня в группе чуть ли не каждый открыто заявлял, что непременно писателем

станет). Услышав такой ответ, она, похоже, утратила ко мне всякий интерес. Не то чтоб он у нее ко мне был, но всё же.

Как-то странно было видеть при ярком свете полотенце с четкими следами зубов. Она, похоже, впивалась в него рьяно. Днем даже трудно вообразить, что маленькая худенькая женщина с землистым лицом способна на *такое*: при лунном свете, в моих объятиях кричать так страстно.

— А я сочиняю танка, — вдруг ни с того ни с сего произнесла она.

— Танка?

— Знаешь, что это?

— Конечно.

Я мало что смыслил тогда в жизни, но что такое танка, разумеется, знал.

— Хотя, если хорошенько подумать, человека, сочиняющего танка, вижу впервые.

Она радостно рассмеялась.

— Как видишь, и такие существуют.

— Ты в каком-нибудь литературном кружке?

— А при чем тут? — ответила она, слегка пожав плечами. — Танка можно и про-

сто так сочинять, разве нет? Это ж не баскетбол.

— О чем пишешь?

— Хочешь послушать?

Я кивнул.

— Серьезно? Или ты это так, разговор поддержать?

— Серьезно, — ответил я, не кривя душой. Мне действительно захотелось узнать, о чем пишет стихи женщина, которая накануне, тяжело дыша в моих объятиях, выкрикивала имя другого мужчины.

Она замялась.

— Прямо сейчас я не могу, как-то неловко. К тому же утро. Но у меня вышло что-то вроде сборника. Если тебе правда интересно, могу прислать. Только запиши мне имя и адрес.

Я написал их на листке из блокнота и отдал ей. Она прочла, свернула бумажку вчетверо и сунула в карман пальто — изрядно поношенного, светло-зеленого. Рядом с круглым воротником на нем была приколотая серебристая брошь — ландыш. Помню, как ослепительно сверкала она в лучах сол-